

*Эта книга посвящается Ричарду Хеллеру —
скале в бурные времена, моему другу на протяжении
почти тридцати лет, адвокату и мудрому советчику,
который знает, что самая главная драгоценность
ходит на четырех лапах*

Правил нет, а если есть, то никто их не соблюдает¹.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

[В улье] пчелы не работают иначе как в темноте;
мысль не работает иначе как в молчании, равно
и добродетель не работает иначе как втайне².

Томас Карлейль. Sartor Resartus

¹ Перевод Н. Демуровой.

² Перевод Н. Горбова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА МАНЕР ХОК

1

Кора Гандерсан прошла сквозь ласковый огонь, и пламя даже не тронуло ее белого платья. Она не боялась, а, напротив, испытывала восторг, и многие из тех, кто восхищенно наблюдали за представлением, смотрели раскрыв рот; на удивленных лицах дрожали отблески пламени. Люди окликали ее, объятые не тревогой, а изумлением, с ноткой почтительности в голосе, и Кора чувствовала в равной мере упоение и унижение оттого, что стала неуязвимой.

Дикси, длинношерстная пятнистая такса золотистой масти, разбудила Кору, лизнув ей руку. Собака не испытывала никакого уважения к снам, даже к этому, которым ее хозяйка наслаждалась три ночи подряд и о котором рассказывала Дикси, приводя яркие подробности. Рассвело, пора завтракать и заниматься утренним туалетом — это для Дикси было важнее любого сна.

Сорокалетняя Кора была подвижной женщиной, похожей на птицу. Коротконогая собака осторожно спустилась по переносной лестнице, которая позволяла ей забираться в кровать и вылезать из нее, а Кора выпрыгнула из постели навстречу дню. Она натянула доходившие до щиколотки сапожки на меху, служившие ей зимними тапочками, и в одной пижаме последовала за семяющей таксой. Кора уже собиралась войти на кухню, как вдруг ее посетило видение: за обеденным столиком сидит посторонний мужчина и сейчас произойдет что-то ужасное.

Конечно, никакого мужчины Кора не увидела. Она никогда не отличалась боязливостью и теперь отругала себя за то, что пугается без повода, абсолютно без всякого повода. Она налила свежей воды, насыпала сухого корма для своей компаньонки, меж тем как Дикси нетерпеливо мела хвостом пол.

К тому времени, когда Кора подготовила и включила кофеварку, Дикси уже закончила есть и теперь стояла у задней двери. Наконец она вежливо твякнула. Кора схватила пальто с крючка и надела его.

— Посмотрим, сумеешь ли ты опорожниться с такой же скоростью, с какой наполняешься. Там холоднее, чем в подвалах Аида, крошка, так что не тяни.

Она вышла из теплого дома на крыльцо. Из рта вырывались облачка, словно из женщины изгоняли призраков, давно владевших ее телом. Кора стояла на верхней ступеньке, наблюдая за своей драгоценной красоткой Дикси, Дикси-Бель — вдруг появится какой-нибудь злобный енот, не наевшийся за ночь.

Зима не желала сдаваться: прошлым утром выпало больше фута снега. Ветра не было, и на каждой ветке виднелся горностаевый воротник. Кора очистила полянку на заднем дворе, чтобы Дикси не нужно было вспахивать глубокий снежный покров.

Таксы отличаются острым чутьем. Не обращая внимания на призыв хозяйки не тянуть время, Дикси носилась по расчищенному месту, чуть не утыкаясь носом в землю, желая выяснить, какие звери побывали здесь ночью.

Среда. Занятия в школе.

Кора уже две недели не ходила на работу, но ей все казалось, что нужно срочно начать готовиться к урокам. Два года назад она получила звание «Учитель года Миннесоты». Она бесконечно любила своих шестиклассников и скучала по ним. Неожиданные приступы мигрени, продолжавшиеся по пять-шесть часов, иногда в сопровождении дурных запахов, кото-

рые воспринимала только она сама, сделали ее нетрудоспособной. Головная боль, казалось, не спешила реагировать на лекарства — золмитриптан и мышечный релаксант «Сома».

Дикси-Бель наконец пописала и оставила две маленькие колбасинки — Кора положит их в пластиковый пакет, когда они замерзнут и затвердеют.

Когда Кора вслед за таксой вернулась в дом, за кухонным столом сидел незнакомый человек и пил кофе, который без стеснения налил сам себе. На голове — вязаная шапочка, молния куртки на овечьем меху расстегнута. Удлиненное лицо, резкие черты лица, с которого прямо на Кору смотрели холодные голубые глаза. Прежде чем Кора успела вскрикнуть или броситься прочь, незваный гость сказал:

— Поиграем в маньчжурского кандидата.

— Хорошо, — согласилась она; вид его больше не казался угрожающим. В общем-то, она знала его. Приятный человек. За последнюю неделю он уже пару раз заходил к ней. Очень приятный человек.

— Сними пальто и повесь его.

Она выполнила просьбу.

— Подойди сюда, Кора. Сядь.

Она выдвинула стул и села за стол.

Дикси, хотя и дружила со всеми подряд, забилась в угол и поглядывала оттуда своими разноцветными глазами, светло-голубым и карим.

— Ты видела сон прошлой ночью? — спросил приятный человек.

— Да.

— Тебе снился пожар?

— Да.

— Это был хороший сон, Кора?

Она улыбнулась и кивнула:

— Чудесная, просто чудесная прогулка по огню. И совсем не страшно.

— Сегодня тебе приснится то же самое, — сказал он.

Не убирая с лица улыбки, она дважды хлопнула в ладоши:

— Хорошо. Такой замечательный сон. Что-то похожее иногда снилось в детстве — будто я летаю, как птица. Летаю, не боясь упасть.

— Завтра будет важный день, Кора.

— Правда? А что случится?

— Узнаешь, когда проснешься. Больше я не приду. Событие важное, но тебе не понадобится никаких наставлений.

Он допил кофе, подвинул кружку к Коре, поднялся на ноги и засунул свой стул под стол.

— Auf Wiedersehen¹, дура ты, сука костлявая.

— До свидания, — сказала она.

Перед глазами появилась позванивающая зигзагообразная цепочка крохотных огоньков — состояние, неизменно предшествовавшее мигрени. Она закрыла глаза, страшась надвигающейся боли. Но потом все закончилось. Головная боль не пришла.

Когда она открыла глаза, перед ней стояла пустая кружка с кофейным осадком на дне. Она встала и налила себе новую порцию.

2

Воскресным мартовским днем Джейн Хок, действуя в целях самообороны, с глубокой болью в сердце убила своего дорогого друга и наставника.

Три дня спустя, в среду, когда вечернее небо усыпали алмазы звезд — даже мощное сияние долины Сан-Габриэль, к северо-востоку от Лос-Анджелеса, не могло полностью скрыть их, — Джейн подошла к дому, который заметила прежде, проезжая на машине. Она несла объемистую сумку с содер-

¹ До свидания (нем.).

жимым, которое могло стать поводом для ареста. В кобуре наплечного ремня под спортивной курткой покоился украденный ею кольт сорок пятого калибра под патроны АСР, пистолет, переделанный по специальному заказу в одной из лучших мастерских Америки.

Для нынешних безумных времен, отмеченных беспорядками и постоянным бурлением, район был очень спокойным и тихим. Калифорнийские перечные деревья шептались между собой, пальмовые ветви шелестели на ветерке, доносившем аромат жасмина. Еще ветерок нес с собой запах разложения, так как до этого пролетел над двумя сточными канавами. Может быть, источником вони были тела трех отравленных крыс, которые убежали от солнца, чтобы умереть в темноте.

Объявление «продается» перед домом, к которому она направлялась, некошенная трава на газоне, ключ риелтора на дверной ручке и окна, забранные шторами, говорили о том, что внутри, вероятно, никого нет. Сигнализация, скорее всего, не функционировала — в доме не осталось ничего, что можно было бы украсть, а сигналы тревоги осложнили бы визиты потенциальных покупателей.

На заднем дворе не было никакой мебели. В бассейне журчала черная вода, папахивающая хлоркой, — зеркало для убывающей луны. Оштукатуренная стена вокруг участка и индейский лавр защищали тыльную часть дома от взглядов соседей. Даже днем ее не увидят.

С помощью купленной на черном рынке универсальной отмычки «Локейд» (которую продавали только сотрудникам правоохранительных органов) Джейн отперла замок задней двери. Уложив отмычку в сумку, она открыла дверь и постояла, прислушиваясь, — не донесется ли какого-нибудь звука из кухни или из комнат позади нее.

Она была убеждена, что правильно оценила состояние дома, а потому закрыла за собой дверь и заперла замок. Достав из сумки светодиодный фонарик на два режима, она

включила ближний свет и оглядела стильную кухню с гляцевыми белыми шкафами, столами из черного гранита и кухонным оборудованием из нержавеющей стали. Никакой утвари. Никаких дизайнерских изделий из фарфора на полках подвесных шкафов со стеклянными дверцами, ожидающих восторженных гостей.

Джейн прошла по просторным комнатам, темным, как закрытые гробы, и лишенной мебели. Хотя шторы на окнах были задернуты, она направляла тусклый луч фонарика только в пол. Затем она стала подниматься, стараясь держаться поближе к стене: в этом случае лестница скрипела меньше, но все же сообщала всем желающим о том, что кто-то поднимается.

Ее интересовала только передняя часть дома, но все же она обошла весь второй этаж, желая убедиться, что в доме никого больше нет. Особняк принадлежал представителям верхушки среднего класса и располагался в соответствующем квартале. Каждая спальня имела свою ванную, но холодильник, стоявший в пустых комнатах, словно намекал на скорый экономический и социальный упадок американских пригородов.

А может быть, это ощущение родилось не от созерцания холодных пустых комнат. Уже почти целую неделю Джейн терзали дурные предчувствия — с тех пор как она узнала, что за будущее приготовили своим согражданам некоторые люди, пользовавшиеся огромным влиянием в этом новом мире технологических чудес.

Она поставила сумку у окна в передней спальне, выключила фонарик, раздвинула шторы и стала разглядывать дом на другой стороне улицы, но не тот, что стоял напротив этого, а соседний — превосходный пример стиля «Искусств и ремесел»¹.

¹ Движение «Искусств и ремесел» возникло в конце XIX века в Великобритании. Для стиля «Искусств и ремесел» характерны простые формы, функциональность, применение натуральных материалов, акцент на ручную работу.

По этому адресу жил Лоренс Ханнафин, овдовевший в прошлом марте. У супругов не было детей. И хотя Ханнафину было всего сорок восемь (на двадцать один год больше, чем Джейн), скорее всего, он проводил время в одиночестве.

Джейн не знала, найдет ли в нем союзника. Скорее всего, он окажется трусом без всяких убеждений и не станет браться за нелегкое дело, которое Джейн намеревалась предложить ему. В эти времена трусость стала позицией по умолчанию.

Джейн семь лет прослужила в ФБР, в Группе оперативно-го реагирования на чрезвычайные ситуации, которая чаще всего работала вместе с Третьим и Четвертым отделами поведенческого анализа, а они имели дело, среди прочего, с массовыми и серийными убийствами. В этом своем качестве она убила всего двух человек, попав в отчаянную ситуацию на отдаленной ферме. На прошлой неделе, находясь в отпуске, Джейн убила троих в целях самозащиты. Теперь она стала неконтролируемым агентом, и на ее счету было немало убийств.

Конечно, Лоренсу Ханнафину могло не хватить мужества и принципиальности, которыми он должен был обладать, судя по его репутации. Но Джейн надеялась, что в этом случае он ответит отказом и не сделает попытки передать ее в руки правосудия. Для нее не будет правосудия. Ни адвоката, ни процесса с присяжными. С учетом данных, которые Джейн собрала на некоторых влиятельных людей, лучшее, на что она могла надеяться, — это пуля в голову. Однако они могли поступить с ней гораздо хуже: сломать ее, устранить все воспоминания, лишить ее свободной воли, сделать покорной рабыней.

3

Джейн сняла спортивную куртку и наплечные ремни, после чего заснула — беспокойным сном — на полу, положив пистолет под руку. Вместо подушки она использовала валик,

взяв его с кресла, которое стояло у окна в холле второго этажа, но в доме не оказалось ничего, напоминающего одеяло.

Мир ее снов превратился в царство движущихся теней и серебристо-голубого полусвета, исходящего из ниоткуда; она убегала от зловредных манекенов, которые прежде были людьми вроде нее, а теперь превратились в неутомимых роботов, запрограммированных на охоту, с глазами, в которых не просматривалось никакого чувства.

За час до рассвета зазвенел наручный будильник. Из туалетных принадлежностей у Джейн были только зубная паста и щетка. В ванной она включила фонарик в режиме ближнего света и положила на пол, в самый угол. Глядя на свое лицо призрака со впавшими глазами, отражавшееся в темном зеркале, она смыла с себя остатки страха, не прошедшего после сна.

Подойдя к окну в спальне, она раздвинула шторы на несколько дюймов и принялась разглядывать в мощный бинокль дом Ханнафина. Ее дыхание с привкусом мяты на миг затуманило оконное стекло.

Судя по странице в «Фейсбуке», Ханнафин начинал каждый свой день с часовой пробежки. Свет включился сначала в комнате на втором этаже, а несколько минут спустя — и в коридоре первого этажа. Когда небо на востоке чуть-чуть порозовело — первое сияние дня, — Ханнафин, в головной повязке и кроссовках, вышел из передней двери. Джейн проследила в бинокль за тем, как Ханнафин повернул ключ в замке, вынул его и спрятал в кармане шорт.

Днем ранее она наблюдала за ним из машины. Он пробежал три квартала на юг, потом свернул на восток, в квартал наездников, и направился по лошадиным следам в незастроенные холмы, поросшие кустарником и дикой травой. Он отсутствовал шестьдесят семь минут. Джейн потребовалась лишь небольшая часть этого времени, чтобы сделать то, что ей нужно было сделать.

4

Еще одно утро в Миннесоте. Плита сурового серого неба, похожая на грязный лед. В неподвижном воздухе разбросаны снежинки, они словно выскакивают через сжатые зубы упрямой бури.

Кора Гандерсан, в пижаме и сапожках по щиколотку, приготовила завтрак: пропитанный маслом тост с пармезаном, яичница с беконом «Ньюске», лучшим в мире беконом, который в жареном виде истончался, становился хрупким, ароматным.

Завтракая, она читала газету, а иногда отламывала кусочек бекона и давала его Дикси. Собака терпеливо ждала рядом с ее стулом и принимала каждый кусочек, повизгивая от удовольствия и благодарности.

Коре опять снился сон о том, что она идет, не обжигаясь, через свирепый огонь, а наблюдатели удивляются ее неуязвимости. После этого сна на сердце стало легче, она почувствовала себя очищенной, словно пламя сотворил любящий ее Господь.

Вот уже двое суток у нее не случалось мигрени — самый долгий перерыв с тех пор, как начались боли. Она даже стала надеяться, что необъяснимая болезнь закончилась.

Через несколько часов ей надо было принять душ, одеться, отправиться в город и сделать то, что следовало сделать. Чтобы заполнить время, Кора, не уходя с кухни, открыла дневник, который вела вот уже несколько недель. Ровные, почти печатные буквы складывались в курсивные линии, которые плавно текли из-под пера.

Через час она отложила ручку, закрыла дневник и поджарила еще «Ньюске», на тот случай, если у нее больше не будет возможности поесть его. Странная мысль. Фирма «Ньюске» несколько десятилетий выпускала великолепный бекон, и не было никаких оснований предполагать, что она прекратит свой бизнес. Экономика пребывала в ужасном состоянии,

многие компании закрывались, но только не «Ньюске». Тем не менее Кора поела бекона, добавив к нему дольки томатов и тост, пропитанный маслом. И опять поделилась с Дикси-Бель.

5

Джейн не стала идти по прямой — от пустого особняка до дома Ханнафина. Держа в руках сумку, она дошагала до конца квартала и прошла еще полквартала, после чего пересекла улицу и приблизилась к дому с севера. Таким образом заметно снижалась вероятность того, что кто-нибудь увидит, откуда Джейн появилась и где оказалась, — вряд ли этот человек стал бы так долго смотреть в окно.

Окаймленные кирпичом каменные ступени вели к глубокой террасе, по обеим сторонам которой начинала расцветать глициния, спускавшаяся с решетчатых панелей. Благодаря этому Джейн была защищена от посторонних взглядов, что облегчало незаконное проникновение в дом. Она вставила тонкий гибкий кончик «Локейда» в скважину и четыре раза нажала крючок, убрав все четыре штифта кодовой панели. Затем вошла внутрь и, прежде чем запереть за собой дверь, громко спросила посреди тишины:

— Эй, есть кто-нибудь?

Молчание. Джейн двинулась дальше.

Внутренняя отделка и мебель, выполненные со вкусом, были выдержаны в одном стиле. Камин из сланца со вделанными керамическими плитками. Мебель в духе той, что производил Стикли¹, с набивной хлопчатобумажной тканью землистых оттенков. Осветительные приборы в стиле «Искусств и ремесел». Персидские ковры.

¹ *Густав Стикли* (1858–1942) — известный в Америке изготовитель мебели, представитель стиля «Искусств и ремесел».

Благополучный район, большой дом, отделка интерьера — все говорило против предположения о том, что Ханнафин может оказаться некоррупцированным журналистом. Он был газетчиком, а в нынешние времена, когда большинство изданий напоминали анорексичного подростка и понемногу угасали, даже сотрудники крупнейшей ежедневной газеты Лос-Анджелеса не получали больших зарплат. Крупные суммы перепадали только тележурналистам, большинство которых были журналистами в той же мере, что и астронавтами.

Правда, Ханнафин написал с полдюжины нехудожественных книг, три из которых несколько недель пробыли в нижней трети списка бестселлеров. Серьезная, хорошо выполненная работа. Возможно, гонорары он вложил в дом.

Днем ранее, воспользовавшись библиотечным компьютером в Пасадене, Джейн легко взломала систему провайдера Ханнафина и выяснила, что у него есть не только мобильник, но и стационарный телефон, что упрощало дело. Она смогла проникнуть в систему телефонной компании, потому что знала о потайном ходе, который проделал Викрам Рангнекар, суперхакер из Бюро. Викрам Рангнекар, милый и забавный человек, обходил юридические запреты по приказу директора или высокопоставленных чиновников из Министерства юстиции. Перед тем как уйти в отпуск, Джейн стала предметом невинного увлечения с его стороны, хотя в то время была замужем, далекая от этих игр, как будто находилась на Луне. Будучи агентом, Джейн действовала строго по уставу и никогда не прибегала к нелегальным методам, но всегда интересовалась тем, чем занимаются влиятельные коррупционеры в Министерстве юстиции, и разрешала Викраму демонстрировать свое волшебство, когда он хотел произвести на нее впечатление.

Теперь, по прошествии времени, она думала, что предвидела будущие неприятности, свое нынешнее отчаянное положение, необходимость скрываться и что ей пригодятся все трюки, которые показывал Викрам.

Согласно сведениям телефонной компании, кроме настенного аппарата на кухне, в доме было три настольных: в главной спальне, в гостиной и в кабинете. Джейн начала с кухни, а закончила работу в спальне: с помощью маленькой отвертки она снимала нижнюю крышку с телефона, подключала двухфункциональный чип дистанционного управления — подслушивающее устройство, или стандартный жучок, — устанавливала приспособление, отключающее чип, когда вешают трубку, и привинчивала крышку обратно.

Если бы выяснилось, что большая гардеробная при спальне непригодна для ее целей, Джейн нашла бы что-нибудь другое. Но гардеробная ее устроила. Одна дверь на петлях — не сдвижная. Дверь оказалась незапертой, но в ней был ригельный замок: то ли потому, что в гардеробной имелся небольшой стеновой сейф, то ли потому, что у покойной миссис Ханнафин водились драгоценные украшения. Вставить ключ в замок, находясь внутри гардеробной, было невозможно. Маленькая стремянка позволяла без труда дотянуться до верхних полок.

У Ханнафина было много одежды от модных фирм: костюмы от Брунелло Кучинелли, коллекция галстуков «Шарве», ящички, набитые свитерами «Сент-Круа». Джейн спрятала среди свитеров молоток, а в карман домашней куртки из синего, в мелкую полоску материала положила отвертку. После этого она потратила десять минут на осмотр ящичков в разных комнатах — не в поисках чего-то конкретного, а из желания составить мнение об этом человеке.

Если бы Джейн покинула дом через переднюю дверь, защелка сработала бы, а засов остался бы незапертым. Увидев засов, Ханнафин понял бы, что в его отсутствие здесь кто-то побывал. Поэтому она вышла через помещение, где стояла стиральная машина, — между домом и гаражом. Замок она не заперла: скорее всего, Ханнафин решит, что это его оплошность.

У боковой двери гаража засова не было, и, когда Джейн вышла и закрыла дверь за собой, сработала самозахлопывающаяся щеколда.

6

Вернувшись в пустой дом, выставленный на продажу, Джейн включила свет в хозяйской спальне — теперь, когда солнце взошло, никто ничего не заметил бы.

Как порой случалось в последнее время, в зеркале она увидела не то лицо, которое предполагала увидеть. После всего пережитого за последние четыре месяца она чувствовала себя постаревшей, измученной страхом, горем, тревогой. Волосы она укоротила и покрасила в каштановый цвет, но тем не менее выглядела почти так же, как в начале всего этого: молодая, двадцатисемилетняя, свежая, с ясными глазами. Трудно было представить, что ее муж умер, а единственному ребенку угрожает опасность, так что она прячет его, — никакой потернности или тревоги ни на лице, ни в глазах.

В большой сумке среди прочих вещей лежал парик, превращавший ее в длинноволосую блондинку. Джейн надела его, закрепила, расчесала, собрала волосы сзади в хвостик и стянула его резинкой, затем напялила бейсбольную шапочку без всяких логотипов и надписей. В джинсах, свитере и спортивной куртке особого покроя, позволявшей надежно скрывать наплечный ремень с кобурой и пистолетом, она имела вполне безликий вид. Вот только в последние дни благодаря средствам массовой информации Джейн стала известной, как телезвезда. Она могла бы замаскироваться надежнее, но ей хотелось, чтобы Лоренс Ханнафин не считал ее той, за кого она себя выдавала.

Она ждала у окна в спальне. Согласно ее часам, бегун вернулся через шестьдесят две минуты после начала утреннего мотона.

Как признанному автору бестселлеров, привлекавшему внимание публики к газете, ему разрешали время от времени работать дома. Тем не менее разогревшийся, вспотевший человек, вероятно, предпочел бы принять душ сразу же после пробежки. Джейн выждала десять минут, после чего отправилась к нему с визитом.

7

Ханнафин овдовел год назад, но так и не привык жить один. Возвращаясь домой, он нередко, как и сейчас, зовет Сакуру. Ответом всегда служит тишина, и он стоит неподвижно, ошеломленный ее отсутствием.

Иногда его охватывает иррациональное недоумение: мертва ли она на самом деле? Он уехал в командировку, когда ее здоровье резко ухудшилось. Не в силах видеть ее мертвой, он согласился на кремацию. И поэтому он иногда поворачивается, убежденный в том, что Сакура стоит у него за спиной, живая и улыбающаяся.

Сакура. «Вишневый цвет» по-японски. Это имя подходило к ее изящной красоте, но диссонировало с решительным характером...

Войдя в жизнь Ханнафина, она изменила его. Такая нежная, такая умная. Ее мягкая, но постоянная поддержка придавала ему уверенности — он стал писать книги, хотя прежде лишь говорил о том, как хорошо было бы что-нибудь написать. Для журналиста он был слишком погружен в себя, но Сакура извлекла его из «панциря несчастной черепахи», как она говорила, и открыла для него новые ощущения. До нее он не проявлял интереса ни к одежде, ни к хорошим винам. Она научила его пониманию стиля, сделала его вкус утонченным, и ему захотелось выглядеть красивым и изысканным, чтобы она испытывала гордость, появляясь в обществе вместе с ним.

После ее смерти он убрал все фотографии, на которых они были сняты вместе, — Сакура купила для них серебряные рамочки и любовно развесила и расставила снимки по всему дому. Эти фотографии преследовали его, как и сама она преследует его во сне — редкая ночь проходит без нее.

«Сакура, Сакура, Сакура», — шепчет он в тишине, а потом идет наверх, чтобы принять душ.

Он занимался бегом с молодых лет. Сакура убедила его продолжать это занятие, чтобы он оставался таким же стройным, как она, чтобы они были здоровыми и вместе старели. Бегать без Сакуры поначалу казалось невозможным, воспоминания, как призраки, поджидали его за каждым поворотом на пути, который они проделывали вместе. Но если бы он бросил бегать, это выглядело бы предательством, словно она и в самом деле оставалась там, на тропе, неспособная вернуться в дом, предназначенный для живых, словно она ждала его, желая увидеть его живым, здоровым и соблюдающим режим, установленный ею для обоих.

Если Ханнафин решится рассказать это своим коллегам по газете, они назовут его сентиментальным, а за глаза окресвят слезливым, слащавым или придумают что-нибудь похуже: большинство современных журналистов не склонны проявлять чувствительность, если дело не связано с политикой. И все же...

В главной ванной он крутит ручку крана, устанавливая максимальную температуру. Из-за Сакуры он не пользуется обычным мылом, которое раздражает кожу, а вместо этого покрывает себя гелем «Ю ар эмэйзин». Шампунь на коньяке с яйцом изготовлен компанией «Хеэр рисайпс», а еще он использует кондиционер на аргановом масле. Все это казалось ему слишком женственным, смущало, пока Сакура была жива, теперь же стало частью его жизни. Ханнафин вспоминает времена, когда они мылись вместе, и опять слышит ее девичье хихиканье, сопровождавшее эти сокровенные мгновения.

Он выходит из душа и вытирается; зеркало в ванной покрыто туманом от пара. Отражение мутится, и Ханнафин почему-то беспокоится, словно, если нечеткая форма, повторяющая каждое его движение, проявится, это может оказаться не он, а какой-нибудь недочеловек из мира за стеклом. Если он протрет стекло, на нем будут подтеки. Он оставляет все как есть — пусть испаряется — и голый идет в спальню.

В одном из двух кресел сидит женщина поразительной красоты. На ней потертые рокпорты¹, джинсы, никакой свитер, спортивная куртка без торговой марки, но выглядит она так, будто сошла со страниц «Вог». Она производит столь же ошеломительное впечатление, как модели с рекламы духов «Блэк опиум». Пораженный, Ханнафин застывает на месте, почти уверенный, что с его головой не все в порядке, что это галлюцинация.

Женщина показывает на халат из его гардеробной, лежащий на кровати:

— Надевайте и садитесь. Нам нужно поговорить.

8

Доев последний кусочек бекона, Кора Гандерсан с удивлением поняла, что съела целый фунт, если не считать двух кусочков, скормленных собаке. Такое обжорство должно было бы смутить ее, а может, даже вызвать расстройство, но ни того ни другого не случилось. Напротив, потакание собственным слабостям казалось ей оправданным, хотя она и не понимала, по какой причине.

Обычно, покончив с едой, она тут же мыла посуду и столовые приборы, вытирала их и убирала. Теперь же ей представлялось, что мытье посуды будет бесполезной тратой драгоценного времени. Она оставила тарелку и грязные приборы на столе, а на покрытую жиром сковородку, стоявшую на плите, вообще не обратила внимания.

Облизывая пальцы, она бросила взгляд на дневник, который недавно заполняла с таким усердием, но, как ни напрягла мозги, не могла вспомнить, чему была посвящена последняя запись. Озадаченная, она отодвинула в сторону тарелку и придвинула к себе дневник, но не спешила его открывать.

¹ *Рокпорты* — производное от «Рокпорт компани», американского производителя обуви.

Закончив колледж почти двадцать лет назад, она надеялась стать успешным писателем, серьезным романистом, пользующимся известностью. Теперь она понимала, что те наполеоновские планы были всего лишь детской фантазией. Иногда жизнь представлялась ей машиной для уничтожения планов молодости, действующей так же эффективно, как гидравлический пресс на кладбище старых автомобилей, который превращает старый хлам в компактные кубы. Ей нужно было зарабатывать на жизнь, и, когда она начала преподавать, желание создать книгу стало слабеть год за годом.

Теперь она не могла вспомнить, что записала в дневнике совсем недавно, но провал в памяти не беспокоил ее, не вызывал страхов о наступлении болезни Альцгеймера. Нет, она была склонна прислушаться к тихому внутреннему голосу, который говорил, что ее неприятно поразит качество написанного, что этот пробел в памяти — не что иное, как результат работы беспристрастного критика Кору Гандерсан, желающего уберечь писателя Кору Гандерсан от неизбежного огорчения, когда она обнаружит, что ее писания лишены блеска и глубины.

Кора отодвинула дневник и не стала просматривать запись.

Вместо этого она поглядела на Дикси-Бель, сидевшую рядом с ее стулом. Подняв золотистую морду, такса смотрела на хозяйку своими прекрасными глазами разного цвета, бледно-голубым и темно-карым.

Как правило, все собаки — не только душка Дикси — смотрели на хозяев с любовной озабоченностью и долей нежной жалости, словно ведали не только глубинными людскими страхами и надеждами, но также правдой жизни и судьбой всех вещей и хотели заговорить, чтобы поделиться своим знанием и утешить человека.

Именно с таким выражением Дикси смотрела на Кору, и этот взгляд брал за душу. Ею овладели беспричинная печаль и экзистенциальный страх, слишком хорошо знакомый

ей. Она протянула руку и погладила Дикси по голове. Когда собака лизнула руку, у Кору на глазах выступили слезы.

— Что со мной, девочка? — спросила она. — Что-то со мной не так.

Спокойный, тихий внутренний голос призвал ее не волноваться, не тревожиться, подготовиться ко дню, полному событий. Слезы высохли.

Цифровые часы на плите показывали 10:31.

До поездки в город оставалось еще полтора часа. Мысль о том, что нужно заполнить такую прорву времени, вызывала необъяснимую нервозность, словно она должна была занять себя, чтобы не думать... О чем?

Пальцы ее дрожали, когда она открыла дневник на чистой странице и взяла ручку. Но дрожь прошла, стоило только начать писать. Словно в трансе, Кора быстро выводила аккуратные строки, ни разу не возвратившись к последнему написанному слову и не думая о том, каким будет следующее: она просто убивала время, чтобы успокоить нервы.

Дикси встала на задние лапки, а передними уперлась в стул Кору и заскулила, чтобы хозяйка обратила на нее внимание.

— Успокойся, — сказала Кора собаке. — Не тревожься. Не тревожься и подготовься ко дню, полному событий.

9

Потрясение перешло в смущение — голый Ханнафин покраснел до корней волос, беря халат. Надев его и завязав пояс, он овладел собой настолько, что настороженным тоном задал вопрос:

— Кто вы, черт побери?

Голос Джейн звучал твердо, но угрозы в нем не слышалось.

— Не волнуйтесь. Садитесь.

Кунц Д.

К 91 Комната шепотов : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-14541-2

В результате теракта в небольшом провинциальном городке в штате Миннесота гибнет несколько десятков человек, включая губернатора штата. Лютер Тиллмен, местный шериф, которому показались подозрительными многие обстоятельства дела, отстранен от расследования под давлением миллиардера Дэвида Джеймса Майкла. Тиллмен на свой страх и риск продолжает вести расследование, и поиски приводят его в Кентукки, в место, населенное «скорректированными» людьми — теми, кто оказался жертвой бесчеловечного эксперимента. Там же волею обстоятельств оказывается и Джейн Хок, также охотящаяся на миллиардера-убийцу. Сумеют ли они, объединив усилия, справиться с человеком, для которого закон и жизнь человеческая ничего не значат? Или они тоже падут жертвами безжалостного преступника?..

Роман впервые издается на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
КОМНАТА ШЕПОТОВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Владимир Петров
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.01.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



И-КВ8-22801-01-Р